

Палпатин целеустремленно пробирался по широким и высоким коридорам Западной башни, направляясь к покоям Скайуокера. По мере приближения количество охранников увеличивалось, и его пульс учащался в ожидании надвигающейся схватки. Мрачное чувство решимости наполнило его, более сильное, чем когда-либо прежде.

Сегодня он встретится лицом к лицу со своим джедаем. Границы были очерчены, и после долгих лет наблюдения за молодым человеком издалека Палпатин хорошо его узнал. Информация, полученная от агентов, информаторов и второстепенных источников, дала ему полное представление о том, как вести себя в этой встрече. Он старался избегать открытых действий, которые могли бы спровоцировать молодого Скайуокера, потому что это была битва, в которой использовались хитрость и обман. Это было похоже на тысячу мини-сражений, в которых стратегии были скрыты за стратегиями, некоторые из которых были отдаленными, а другие - непосредственными. Некоторые из них уже разворачивались...Если бы только его язвительная принцесса смогла донести информацию, которую он предоставил повстанцам. Он тщательно оставил улики и следы, по которым они могли бы следовать, как в рядах повстанцев, так и за их пределами, когда они начнут расследование. Независимо от результата, пути назад для новоиспеченного джедая не будет. Он позаботится об этом.

Его мысли ненадолго вернулись к принцессе и ее связи с Силой. Она напоминала Мару, его безжалостного убийцу, "руку помощи", которую он мог использовать, когда она была вдали от основных операций, в деликатных ситуациях, требующих определенной дистанции. За время своей карьеры он вырастил команду агентов с экстраординарными способностями и привязанностью к Полиции. Это были его инструменты, разосланные по всей Империи для выполнения его указаний. Хотя он передавал только необходимые знания, чтобы убедиться в их полезности, он утаивал любую информацию, которая могла бы вызвать хоть малейшие сомнения.

Лея Органа, например, могла бы получить больше знаний, если бы захотела, но он ограничил ее доступ до уровня, достаточного для выполнения ее текущей задачи. Однако в данный момент ее роль в его грандиозном плане требовала иного подхода. Ее положение в Альянсе повстанцев вкупе с ее статусом доверенной фигуры, даже превосходящей их почитаемого героя, знаменитого Разрушителя Звезды Смерти, делало ее идеальным кандидатом для посева инакомыслия. Только человек ее уровня мог преодолеть их сопротивление, тот, кто по-настоящему понимал его и питал сомнения, даже когда они предавали его дело. Действительно, иногда нужно быть готовым пожертвовать второстепенными фигурами в более крупной игре. Палпатин, со своей стороны, был готов отказаться от возможности стать наставником другого ученика, чтобы разорвать свои связи с орденом джедаев. На данный момент ему было достаточно отношений с Марой, и она играла решающую роль в его планах на будущее. Несмотря на свои личные возражения, она не осмелилась бы открыто выразить свое недовольство.

Тем временем Палпатин обратил свое внимание на Скайуокера, сосредоточившись на сложной битве слов и воли, которая вот-вот должна была развернуться. Он сплел паутину вокруг молодого джедая, заманивая его противоречиями и тонкостями, хотя в данном конкретном случае такая тактика была излишней. Собственная исковерканная и изломанная жизнь Скайуокера, разбитая вдребезги холодным предательством джедаев, которых он так доверчиво принял, должно быть, была подобна удару кинжала в его сердце. Палпатину преподнесли этого джедая на блюде с голубой каемочкой, вместе с ключом, открывающим путь к его темной стороне, который так заботливо предоставил Кеноби. Но Кеноби обманул его. Он совершил величайший грех, умышленно лишив сироту отца, а затем усугубил этот грех, солгав не только о происхождении мальчика, но и о своей собственной роли в манипулировании ребенком. Неужели он действительно верил, что сможет скрыть от него такую правду?

О, мальчик все еще сопротивляется, он все еще борется. Палпатин знает об этом. Но это инстинктивная реакция, последние остатки разрушенного существования. Тень той непреклонной убежденности, которая поддерживала бы его сопротивление, если бы не глубокая рана, нанесенная ему двуличием Кеноби. Теперь, когда они противостоят друг другу, джедай несет в себе ужасную, разрушительную слабость, слишком глубокую, чтобы ее можно было понять. Палпатин не дает ему времени понять это или примириться с хаосом. В этот момент он совершенно потерян.

Потеря веры в тех, кому он доверял, распад личности перед лицом жестокой реальности, возникшая неуверенность, ставящая под сомнение его веру в свою способность противостоять темной стороне — вот задачи, которые Палпатин ставит перед джедаями, когда они наконец встречаются. Он намерен использовать то, что дал Кеноби, найти дальнейшие слабости, любые трещины, которые можно использовать, очень осторожно, очень тщательно, чтобы начать смещать взгляды джедаев с их нынешнего состояния на темную сторону, чтобы украсть последние остатки надежды, пока молодой человек еще жив. готов выслушать, уничтожить все следы контроля, которые у него могут быть, а затем посмотреть, что он будет делать. Независимо от того, действительно ли в нем текла кровь его отца, Палпатин был готов пойти на риск. Чрезмерное давление могло привести только к отчуждению, в то время как Палпатину необходимо было поддерживать открытый диалог со своим сыном. Важно было создать прецедент, который сохранялся бы независимо от обстоятельств.

Однако Палпатину также необходимо было с самого начала установить основные правила для их отношений. Он должен быть признан хозяином, непобедимым и неприступным. Любое отклонение от этих правил, каким бы незначительным оно ни было, будет быстро и жестко пресекаться, без предупреждения или учета чувств другой стороны. Слово Палпатина было законом, и здесь не было места компромиссам.

Эти сложные противоречия были присущи ранним этапам их отношений. Это было хрупкое равновесие, но Палпатин всегда был мастером подчинять других, манипулировать ими в своих интересах и подчинять их волю своей собственной. Он инстинктивно знал, что нужно для того, чтобы расчленил разум и сломать его. Процесс разрушения разума - это простая, но забавная задача, которая доводит другого человека до предела, как физического, так и умственного, чтобы определить, сколько раз это можно проделать, прежде чем разум окончательно сломается. Настоящая трудность заключается в том, чтобы воссоздать ее таким образом, чтобы она соответствовала целям Палпатина. Он никогда раньше не пытался проделать это со своим отцом в такой прямой, целенаправленной и ясной манере. В этом была суть игры, и это доставляло ему огромное удовольствие.

Он вошел в комнату, которая тщательно охранялась, и о его присутствии было известно только в двух запертых помещениях. Он сразу понял, что оно знает о его присутствии. Однако он реагировал медленно, все еще приходя в себя после операции и воздействия седативных препаратов, он только недавно проснулся, и ему еще не разрешали покидать пределы одноместной палаты. Тем не менее, он не отреагировал на это ограничение — он не протестовал и не сопротивлялся, возможно, потому, что понимал свои собственные ограничения. Возможно, он почувствовал присутствие Палпатина поблизости... или, возможно, он просто принял свою судьбу как неизбежную. Его осознание этого уменьшилось, когда он возвел ментальную защиту, и он весело улыбнулся, как будто это имело значение. Пусть это будет безопасно... на данный момент.

Люк сидел в одиночестве, созерцая угасающий вечерний свет. Он был одет в свою единственную одежду и, погруженный в свои мысли, рассеянно тер рукой лоб. Его наряд

состоял из черной рубашки, которую он редко надевал, сшитой из гладкого, тонко переплетенного хлопчатобумажного полотна, с пуговицами, сделанными из крошечных шелковых узелков, тщательно сплетенных вручную мастерами-ремесленниками.

Плетеные петли, на которых крепились пуговицы, были украшены декоративным шнуром, причудливо вплетенным в узор, украшавший переднюю часть изделия. Несмотря на изнуряющую жару и тесную атмосферу, он оставил несколько пуговиц расстегнутыми, позволив высокому воротнику замысловатого дизайна свободно свисать, а прохладная ткань приятно касалась его кожи. Брюки также были темно-черного цвета, идеально сшитые из более плотной ткани с тонкой текстурой. Даже ботинки, изготовленные из мягкой и эластичной кожи, которую он не узнавал, были идеально подогнаны по фигуре, сшиты вручную по самым высоким стандартам с тонкой черной строчкой на черном фоне.

Он чувствовал себя среди них крайне неуютно, как посторонний. Чувствуя себя неловко и застенчиво, он понял, что одна его рубашка, вероятно, стоит больше, чем тетя Беру и дядя Оуэн зарабатывали за год на Татуине. Погруженный в их темноту, он чувствовал себя слабой тенью, задущенной и поглощенной их непринужденной роскошью.

Было ли все это просто игрой разума, призванной заставить его почувствовать себя неловко и не в своей тарелке? Или это было сделано для того, чтобы проиллюстрировать предложение, которое они делали? Интересно, что бы сделали ситхи, если бы он отказался? Он знал, что Палпатин был ситхом; теперь он знал это без всяких сомнений. Об этом шептались в разведывательных кругах, и это было секретом полишинеля в течение многих лет. И теперь, здесь, Люк понял так, как никогда раньше... что-то... обитало. Он таился в глубине ночи и среди сияния дня, его присутствие подавляло все остальные ощущения. В отличие от Вейдера, чье присутствие в Силе было огромным, эта тень извивалась и искажалась за гранью понимания. Она была огромной и неосязаемой, бесконечный источник опасности. Она окутывала его, как волна перед бурей. Что оставалось делать Люку? Что он мог сделать? Он был совершенно растерян... совершенно ничего не знал. Люк расширил свои чувства, но все, с чем он столкнулся, была самодовольная темнота. Это было чужеродное присутствие, совершенно незнакомое ему. Как он мог противостоять ему? Оно окутывало все плотной, непроницаемой пеленой. Простое противостояние этому требовало от него полной сосредоточенности.

Его способности казались странно приглушенными, и поддерживать контакт с Силой было трудно, поскольку она, казалось, уплывала прочь, теряясь в бескрайнем пространстве тьмы, которая давила на него. Безжалостное давление искало любую слабость, любую щель в его обороне. Его постоянная тяжесть заставляла его тереть виски, но это не приносило облегчения. Он был предельно сосредоточен, пытаясь сопротивляться. Тем не менее, казалось, что шторм надвигается все ближе. Что ему делать? Люк убрал дрожащую руку, все еще чувствуя слабость. Сейчас его мысли больше, чем когда-либо, были обращены к его друзьям, и слова Вейдера об их уязвимости эхом отдавались в его голове. Страх сковал его сердце — страх, что Император воспользуется ими, страх, что он добьется успеха. Как он мог не сделать этого?

Звук открывающейся тяжелой двери вывел его из задумчивости, и, обернувшись, он увидел вошедшую рыжеволосую женщину с жестким и пронзительным взглядом. - Император требует вашего присутствия, - сказала она, указывая на дверь. Люк собрался с духом и встал, пройдя между молчаливыми стражниками, которые последовали за ним, когда он переступил порог. Люк вошел во вторую комнату, которая, несмотря на роскошное убранство, была прохладной и строгой. В дальнем конце открылась еще одна пара тяжелых дверей, открывая взору еще одно помещение. Этот был обитаем, и присутствие обитателя ощущалось в Силе.

Сила была настолько велика, что у Люка по спине пробежали мурашки. Комнату заполнила густая клубящаяся тьма. В центре, возле массивного камина, стояла фигура, освещенная мерцающим светом огня. В камине пылал огонь, потрескивая и потрескивая, создавая жутковатый отблеск. Жар, исходящий от огня, раскалял воздух в большом зале настолько, что Люк мог стоять под притолокой, не наклоняясь. Янтарный отблеск пламени затмевал тусклое освещение, заставляя тени танцевать в темноте.

В центре комнаты стоял длинный стол, на противоположных концах которого были расставлены два стула для ужина. Слуги нервно ожидали своего хозяина. Император ситхов приветствовал Люка, когда тот вошел, доброжелательной улыбкой, хотя мерцающие отблески пламени отбрасывали жестокие тени на его постаревшее лицо. В выражении его лица был намек на опасность, но он все же склонил голову в легком поклоне. Люк, не находя слов, ответил тем же жестом. - Джедай, - произнес император тонким, пронзительным голосом. Он был одет в длинную мантию темно-красного цвета, искусно расшитую замысловатыми узорами, и тяжелый плащ цвета воронова крыла. Высокий воротник облегал его бледную, восковую шею, а белые, как у скелета, руки сжимали полированную трость, которая постукивала по каменному полу, хотя, как и мастер Йода, он подозревал, что это было скорее для вида, чем по необходимости.

Ситх сделал неуверенный шаг вперед, отчего по полированному мрамору прошелестела тяжелая ткань, затем остановился, пристально глядя на своего пленника. Бледный и ослабевший после короткого путешествия, Люк ощущал неконтролируемую дрожь, его сердце колотилось так громко, что он слышал эхо в своем дыхании. Он удивился тому, какой непоследовательный образ он представлял, когда Палпатин любезно заговорил с ним. Палпатин неторопливо подошел и сел на дальний стул, кивнув женщине с каштановыми волосами, которая склонила голову в ответ и удалилась, на мгновение показав ярко освещенный коридор за собой. Когда он осознал эту возможность, его разум обострился. У дальней стены стояли шестеро охранников с оружием наготове у открытой двери, но Люк был уверен, что их было больше, чем этих шестерых. Вероятно, они также стояли по обе стороны.

“Ты слышал меня?” Спросил Палпатин с оттенком вызова в голосе. Люк оглянулся на него. “Я слышал тебя”, - ответил Люк. Неужели его голос звучал так беспечно? Его мысли были далеко, и он не собирался говорить об этом так небрежно. Тем не менее, он остался неподвижен. Палпатин наклонил голову, невозмутимый, но удивленный.

“Тогда встань”, - скомандовал Палпатин. “Посмотрим, кто дрогнет первым”. Несколько мгновений Люк оставался неподвижным, его разум лихорадочно работал. Как он так быстро оказался в этом противостоянии? Не делай этого, не ввязывайся в драку, в которой ты не сможешь победить.

Палпатин наблюдал за молодым человеком, пытавшимся скрыть свою слабость, за его неуверенной походкой, когда он приближался к креслу. Он протянул дрожащую левую руку, пытаясь удержаться на ногах, прежде чем сесть. Джедай выглядел усталым, его веки отяжелели, и его заслоняли внушительные фигуры охранников по бокам. Палпатин позволил себе удовлетворенную улыбку.

- Их двенадцать, - заметил он, заметив мимолетную морщинку, пересекающую лоб молодого человека. - Целый отряд из двенадцати охранников. Дальше по коридору еще один отряд из двадцати четырех охранников заступает на девятичасовую смену, патрулируя коридоры. Они хорошо осведомлены о вашей личности и способностях, и они не будут колебаться. - Он продолжал говорить, по-видимому, довольный тем, что поделился этой информацией, чтобы

побудить мальчика к сотрудничеству. Его намерением было подчеркнуть тщетность любых попыток к бегству, но его внимание по-прежнему было приковано к джедаям, а простые смертные служили пешками в его грандиозном плане, укрепляя его непоколебимую решимость.

- В этой башне размещены восемнадцать дополнительных батальонов, столько же - в каждой из оставшихся башен. Эти камеры были тщательно подготовлены для вашего использования, они служат тюрьмой для джедая — моего джедая, в частности, где я хочу, чтобы он был заключен.

Не обращая внимания на очевидную провокацию, Люк откинулся в кресле, его усталая правая рука лежала на подлокотнике, он был совершенно измотан. Несколько долгих мгновений никто из них не произносил ни слова. Палпатин просто молча наблюдал за ним. Тишина затянулась, и Люк позволил своим глазам медленно закрыться, не желая нарушать тишину. Время прошло в спокойном ожидании...Он поднес дрожащую правую руку, отяжелевшую от боли, к виску, и боль пронзила его, вызвав фейерверк в его сознании. Воспоминание вернуло его в настоящее, где он проснулся от жгучей боли после недавней операции и стерильной белой повязки на предплечье.

Тот же худощавый медик с оливковой кожей, который ухаживал за ним на "Звездном разрушителе", призвал к осторожности, когда он попытался вытянуть руку, которая казалась неуклюжей и нетвердой. Он повернул его, чтобы осмотреть нетронутую копию, но через несколько секунд был вынужден опустить и поддержать левой рукой, отягощенный невероятной тупостью.

Его настоящая рука была теплой, но, кроме этого, он ничего не почувствовал, кроме острых уколов боли, когда прикоснулся к ней. Он попытался пошевелить пальцами еще раз, но они покалывали, как булавки, каждый нерв был раскален добела и странно онемел, как будто на нем была толстая перчатка, которая приглушала его чувства и сковывала движения. Неловкие движения его пальцев заставили их подергаться, ощущение было одновременно знакомым и тревожным. Голос Палпатина ворвался в его мысли: "Ощущения вернутся в ближайшие недели, когда твои нервы восстановятся и ты научишься управлять ими. Я уверен, что ты быстро научишься. В его тоне слышались нотки веселья, и Люк поднял голову, не зная, что ответить.

При этих словах у Люка волосы встали дыбом, а вокруг глаз образовались морщинки. Его мысли прояснились, и он понял, что доверять Палпатину нельзя. После того, как первоначальная волна паники улеглась, гнев на замечание Палпатина взял верх. Его упрямый отказ позволить запугать себя вызвал у него прилив адреналина. И все же кое-что из учений Йоды осталось. Раньше он бы немедленно бросился в атаку, но теперь, благодаря привитому ему самообладанию, он нашел свой внутренний центр, расслабил напряженные мышцы и стал ждать подходящего момента.

Палпатин заметил мимолетную реакцию юноши, которая оказалась более выраженной, чем он ожидал, особенно учитывая обстоятельства. Что же такого было в этом мальчике, что вызвало такой сильный отклик? Он прищурился, обдумывая вопрос, в то время как молодой человек сделал то же самое, осознавая, что за ним наблюдают.

Пристально наблюдая за мальчиком, Палпатин заметил в нем упрямую решимость, напоминающую о его собственном отце. - Обедай, - сказал он наконец, протягивая руку ладонью вверх. "Я не голоден", - ответил мальчик, даже не взглянув на еду на столе, что очень

позабавило Палпатина. Он улыбнулся с нескрываемым удовольствием, когда началось их состязание. "Конечно, ты голоден. Я предположил, что ты солдат повстанцев. Неужели ты ничему не научился? Бунтари всегда едят, когда им предоставляется такая возможность. Они никогда не знают, когда им подадут еду в следующий раз."

Мальчик лишь моргнул, отказываясь двигаться. - Что ж, очень хорошо. - Выбор за вами, - сказал Палпатин, жестом подзывая слугу, который подошел, чтобы наполнить его кубок вином. Его коллега сделал то же самое для Люка. Как только они удалились, Палпатин бросил взгляд на хунвейбинов, оставшихся рядом с ним. - Вы свободны, - распорядился он, снова обращая свое внимание на мальчика. Охранники покинули комнату, сопровождаемые слугами. Последовало продолжительное молчание...

Люку пришло в голову, что рядом не было охранников, которые могли бы помешать его попытке сбежать или броситься через стол к своему пленнику. Однако очевидное безразличие Палпатина к этому наводило на мысль, что он предвидел такую возможность. Никто не становится правителем, не обдумав последствий своих действий. Хотя Люк, возможно, и испытывал смешанные чувства по отношению к императору, он не считал его неразумным. Действительно, в тот момент он сомневался в своей способности добраться до двери без посторонней помощи. Таким образом, он продолжал хранить молчание. Наконец, когда Палпатин заметил, что Люк что-то понимает, он, казалось, был доволен. "Я вижу, ты кое-что понял", - заметил он. Люк сохранял самообладание, позволяя Палпатину вести разговор. Было очевидно, что Палпатин привел Люка туда с какой-то целью, и Люк полагал, что знает, с какой именно. Тем не менее, молчание длилось довольно долго, пока Люк не почувствовал необходимость нарушить его.

По своему обыкновению, Люк сразу перешел к сути дела, спросив Палпатина: "Чего ты желаешь?" Палпатин ответил с загадочной улыбкой: "Должен ли я сказать тебе, чего я желаю? У меня уже есть все, чего я желаю". Люк был ошеломлен этим намеком и замолчал. Он страстно желал, чтобы разговор закончился, чтобы он мог уйти и избежать участия в махинациях Палпатина. Палпатин, казалось, почувствовал это и сказал: "Нет, я не думаю, что вам нужно еще что-то сказать". Люк ушел с озадаченным выражением лица, неуверенный в своих намерениях. "Тогда почему я здесь?" спросил он. Палпатин внимательно наблюдал за языком тела Люка, отметив, как оно приняло более напряженную позу, услышав упоминание о его истинной личности. Император уловил эмоции, исходящие от Силы, и продолжил: "Я знаю, что до недавнего времени ваше происхождение оставалось тайной, это верно?"

Люк лишь стиснул зубы, но никак не отреагировал, хотя энергия, исходившая от него, была ощутима. Палпатин продолжил: "Это кажется довольно... вопиющее отсутствие информации со стороны твоего бывшего учителя, Кеноби."

Люк хранил молчание, но это было больше похоже на утверждение, чем на ответ. В улыбке Палпатина промелькнула насмешка, которую он и не пытался скрыть. "Мы должны задаться вопросом, собирался ли он когда-нибудь поделиться с вами этими знаниями. Возможно... возможно, он бы раскрыл это после того, как вы невольно действовали от его имени, что привело к смерти вашего отца."

Напряжение в глазах Люка усилилось, и его голос стал более решительным. "Ты ничего об этом не знаешь. Они бы никогда..." — "Тебя использовали", - прервал его Палпатин. "Не будь таким наивным. Это не подобает твоему положению". Люк остановился, но не по тем причинам, о которых мог подумать Палпатин. Он допустил ошибку и был в ужасе от того, что ситхи могут заметить это, ругая себя за свою импульсивную вспышку. Он заставил свой разум

работать, скрывая свою ошибку и подтверждая предположения Палпатина.

- Я не наивен. Я понимаю, что он сделал и почему он это сделал, - ответил Люк. - Тогда, если вы защищаете его, можем ли мы предположить, что вы верите в его правоту? Император продолжал, явно пытаясь понять, вызван ли гнев Люка обманом Бена или негодованием по поводу суровой реальности Вейдера. Впервые Люк понимающе улыбнулся. Это была мимолетная усмешка, которая быстро исчезла. Но осознание того, что Палпатин подвержен ошибкам, что он не всезнающий и не всевидящий, на мгновение придало Люку уверенности. Люк откинулся назад, его поза почти незаметно расслабилась. "Вы можете предполагать все, что пожелаете", - сказал он.

Палпатин хранил молчание, наблюдая за переменой в поведении молодого человека. Осознав едва заметную перемену, он понял, что его напарник-джедай претерпел изменение во взглядах. Он смотрел на потрескивающее пламя в задумчивом молчании, и пронзительное шипение огня служило фоном для их разговора.

Молодой человек молчал, не чувствуя необходимости нарушать тишину словами. Вместо того чтобы продолжить разговор, он замолчал, внутренне переоценивая свою стратегию.

"Если нет доказательств обратного, то я должен предположить, что вы правы", - наконец сказал он. "Я не джедай, как вы ошибочно предположили". Отреагировал Палпатин, подняв брови и вопросительно наклонив голову.

- Неужели твой учитель не смог передать тебе это знание? Джедай определяется не по внешнему ярлыку, а по признанию других, - добавил он с ноткой веселья в голосе. "Ирония в том, что вы знаете, кто я такой, как ситх". "Я должен извиниться, но я не могу принять ваше мнение как относящееся к этому вопросу", - сказал молодой человек, его уверенный тон противоречил очевидной неуверенности в словах Палпатина. Тем не менее, он, казалось, был полон решимости не обращать внимания на этот факт.

"Тогда кого бы ты хотел, чтобы я благословил, джедай?" Спросил Палпатин с понимающей улыбкой, поскольку мальчик молчал. "Возможно, Оби-Вана Кеноби? Могу заверить тебя, что он не тот могущественный человек, каким ты его себе представляешь".

Мальчик ответил: "Сила - это еще не все".

Палпатин рассмеялся. "Не так ли? Сила - это то, что удерживает тебя здесь, мальчик. Ты даже не попытался уйти". Несмотря на серьезность ситуации, Палпатин был впечатлен храбростью Люка. Возможно, мальчик был больше похож на своего отца, чем ему казалось вначале.

"Что мне с тобой делать?" - наконец спросил он дружелюбным тоном, как у старого друга, совершившего незначительную ошибку. "Каково надлежащее наказание для мятежника, который открыто бросает вызов мне, бросает вызов моей власти и уничтожает мои армии? Насколько я понимаю, за государственную измену полагается смертная казнь.

Люк был удивлен отсутствием эмоций в ровном голосе Палпатина. Император откинулся назад, казалось, забавляясь, почти посмеиваясь. "Да... Но какая жалость!"

Люк молчал, а Палпатин продолжал наклоняться вперед, все еще улыбаясь. "Это зависит от того, что мы можем позволить себе потерять и что приобретем".

Люк откинулся назад, положив руки на массивное резное кресло, и прищурился. - И что ты

предлагаешь?

Император собирался что-то сказать, но остановился, его глаза опасно сузились, перемена в его поведении была быстрой и непредсказуемой. "Не пытайся обмануть меня", - предупредил Палпатин, и в его словах, несмотря на жар пламени, прозвучала леденящая угроза. Люк остался непреклонен. - Я полагал, что это часть игры, - ответил Люк. - Тебе не следует так рваться ввязываться в игру, когда на кону твоя жизнь, друг мой, - упрекнул его Палпатин, несколько мгновений пристально глядя на Люка, а затем вздохнул. Слабая улыбка заиграла на его бескровных губах, обнажив потемневшие зубы, но глаза оставались неулыбчивыми.

"Ты сам себе все усложняешь", - заметил Палпатин. "Что делать?" Спросил Люк.

Палпатин продолжил: "Я предлагаю тебе все — все, чего ты когда-либо желал, даже то, о чем ты пока не подозреваешь. Но у тебя нет ничего, чего желал бы я". Люк уверенно ответил: "У меня есть все, что мне нужно".

Палпатин медленно покачал головой, пользуясь возможностью вовлечь джедая в разговор и выяснить, насколько он доверяет ему. Поначалу разговор не был слишком напряженным; Палпатин стремился не оттолкнуть джедая, а, скорее, расположить его к себе. Чтобы заманить его в ловушку, хотя бы слегка, заставить задуматься и усомниться. Это был продуманный процесс, с тысячью тонких намеков и инсинуаций относительно его таинственного прошлого, заставлявший джедаев жаждать большего.

"Я знаю правду о том, кто ты на самом деле. Я не обманщик и не предатель. Поверь мне, Оби-Ван несет такую же ответственность за то, что ты здесь, как и твой отец... И за этим кроются более глубокие истины, - сказал Палпатин, откидываясь назад с видом самоуверенным, но в то же время снисходительным.

Он добавил: "Спросите меня о чем угодно, и я скажу вам правду".

Прошло несколько секунд, но оба продолжали смотреть друг другу в глаза, не раскрывая своих истинных намерений. В конце концов, джедай слегка улыбнулся, осторожно покачал головой и сказал: "Я тебе не верю". Палпатин ответил: "Зачем мне тебя обманывать? Уверю вас, реальность гораздо опаснее, чем любая выдумка, которую я мог себе представить. Прошрое - это всего лишь намек на будущее, и ваша судьба отражается в самой крови, текущей в ваших жилах."

"Я вам не верю", - повторил молодой человек, его тон был решительным и непоколебимым. Палпатин понял, что он умело скрывает свои эмоции, но они задели его за живое. Он занес эту информацию в каталог вместе с другими уязвимостями, которые он мог бы использовать в будущем.

- Ты поступаешь мудро, подвергая сомнению мои слова и, тем более, бросая мне вызов. Ты знаешь о моих способностях?

Мальчик ответил: "Я верю, что ты способен на все ради достижения своих целей", - явно используя свои убеждения, чтобы оправдать свой скептицизм.

Палпатин позволил этой угрозе надолго повиснуть в воздухе. "Но я бы никогда не стал вас обманывать", - убежденно заявил он, подчеркнув свое заявление, прежде чем возобновить обсуждение концепции предопределенной судьбы и того факта, что судьба его отца была также его собственной. Лорд Ситхов продолжил: "И я имею в виду именно то, что говорю, когда

утверждаю, что исход может быть только один". Люк почувствовал всю серьезность слов Палпатина, произнесенных с такой уверенностью. Ему потребовалось некоторое время, чтобы собраться с мыслями среди растущего беспокойства, которое, казалось, парализовало все мысли. Он знал, что это было его слабостью, и учение Вейдера лишило его возможности сомневаться. Усилием воли он заставил себя отбросить эти сомнения. Мастер Йода гордился бы им.

"В самом деле? Я вижу три возможности, - сказал император со снисходительной улыбкой, покачивая головой, как будто он был учителем, объясняющим ребенку устройство Вселенной. - Ты мог бы преклонить передо мной колени или оказать сопротивление, и я бы уничтожил тебя. Или ты мог бы ослабить бдительность, и я бы победил тебя.

Люк слегка приподнял брови, предлагая третий вариант. Палпатин расхохотался, искренне удивленный. "Я так не думаю". "Именно поэтому я так и сделаю". "Нет, мой друг. Меня нелегко убить". Император улыбнулся. - Действительно, понимаю. Однако, я считаю, что ты недооцениваешь себя. В конце концов, ты рыцарь-джедай. Люк серьезно кивнул. - Я буду иметь это в виду. - продолжил Палпатин. - Ты не первый, кто пытается бросить мне вызов, что вряд ли является подходящим ответом для рыцаря-джедая. Но, с другой стороны, тебя вряд ли можно назвать типичным. Кеноби сообщил вам о вашей истинной личности, а также о том, что значит быть джедаем? Или он также утаил эту информацию?"

Люк остановился, на мгновение сбившись с толку. Несмотря на все его усилия не обращать внимания на непреодолимую усталость, он изо всех сил старался сосредоточиться, его тело оседало, а голова начинала клониться в изнеможении после такой короткой, но напряженной работы. Он вспомнил слова Вейдера о Звездном разрушителе, касающиеся его происхождения. Палпатин заметил, как на мгновение на лице мальчика промелькнула неуверенность, прежде чем его лицо вернулось к своему нейтральному состоянию. Однако в Силе чувствовалось его любопытство, странное очарование, которое одновременно стремилось к знаниям и сопротивлялось слушанию.

"Ты устал, мой друг", - заметил Палпатин. - Мы можем возобновить эту дискуссию завтра, - с улыбкой сказал Палпатин, понимая, насколько важно для молодого человека завершить эту встречу здесь и сейчас, поскольку она будет продолжать занимать его мысли. Палпатин уже добился от этой встречи того, чего хотел, и довести ее до конца было бы выгодно обеим сторонам.

Знание - действительно мощный инструмент, но за любую власть приходится платить. Если джедаи захотят получить дополнительную информацию, они должны вернуться. Они вернутся — добровольно. Только Палпатин и Вейдер были посвящены в правду, и, судя по реакции молодого человека в тот вечер, Палпатин был уверен, что тот больше не будет искать Вейдера. На самом деле, он рассчитывал на это. Это была его возможность наконец-то оставить прошлое позади, сидя здесь, за своим рабочим столом. Как он мог устоять?